

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

РЕЛИГИОЗНАЯ ВЕРА: ФАКТЫ И КОММЕНТАРИИ¹

С.М. КЛИМОВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: sklimova@bsu.edu.ru

Задача статьи – в очередной раз попытаться взглянуть на свою интеллектуальную историю критически, вновь попытаться понять «Кто мы?» и «Куда идем?», преодолевая очередные идеологические (ценностно-ориентированные) конструкты уже постсоветской гуманитарной науки. При этом приоритет эмпирического подхода или «опора на факты» остаются наиболее важными «критериями» для поиска ответов, понимания идей и интерпретации истории. В статье показана устойчивость исследовательского стереотипа – бинарного подхода и инверсионного сознания при анализе мировоззренческих проблем, затрагивающих предельно общие оппозиции и противопоставления, например, религиозного и атеистического мировоззрения и дана попытка его критического переосмысления. В статье также предлагается ознакомиться с рядом архивных документов, характеризующие известных личностей в военный период советской истории, опираясь на диалектический подход и синкретический метод.

Ключевые слова. Бинарный подход, инверсия ценностей, архивные документы, православие, вера.

«А во главе Совета поставим товарища Карпова, – сказал вождь, с острым интересом посмотрел в лица стариков в рясах. – Знаете товарища Карпова?»... Митрополиты испуганно молчали. Наконец, Сергей нашел в себе силы промолвить: “Богопоставленный вождь, но ведь он, Карпов, из гонителей наших...” “Правильно, — явно довольный произведённым эффектом, ответил Сталин, — партия приказывала товарищу Карпову быть гонителем, он исполнял волю партии. А теперь мы ему поручаем стать вашим охранителем. Я знаю Карпова, он исполнительный товарищ. Ну, стало быть, согласны, чтобы Карпов стоял во главе Совета?”. Удерживая вздох, митрополиты закивали головами...»²

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету на 2012 год (номер проекта 6.1239.2011)

² Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – Hermitage Publishers, 1999. –С. 375. Цитируя данную книгу, мы перелагаем критически осмысливать, изложенные в ней факты и оценки, так как они зачастую не совпадают с архивными документами, которые в свою очередь также должны стать основой острашения и критической переоценки читателя. Так, например, даже робкая критика в адрес Г.Г. Карпова кажется нам преувеличением «смелости иерархов», так как на знаменитой встрече в Кремле 4 сентября 1943г. присутствовал, в том числе и Г.Г. Карпов.

I

Бинарный подход был широко распространен, по сути, с самого начала человеческого познания. Очевидно, что бинарный код – самый удобный для понимания человека, созданного по принципу «два в одном» (деление на два заложено в структуре человеческого организма). Но именно это в итоге превращается в «бремя традиций» (Н. Луман), особенно когда бинарность оказывается главным принципом постижения человека, общества, мировоззрения. Как отмечал Н. Луман, науке до сих пор «приходится опираться на давно устаревшую теорию познания, которая исходит из таких различий, как мышление/бытие, познание/предмет, субъект/объект, а реальный процесс познания способна постигать лишь как рефлексию, локализованную, соответственно, на одной стороне этого различия. Но это было отвергнуто, начиная, по меньшей мере, с лингвистического поворота в философии, несмотря на все те логические проблемы, которые были привнесены переходом к «натуралистической эпистемологии» (Куайн)»³.

Однако, отвергнуть в теории вовсе не означает расстаться со старым методом практически. Так, например, деконструкция бинарной оппозиции «наследственность-среда» в биологии или «природа-воспитание», применительно к человеку и обществу, хотя и началась с появлением генетики, но до сих пор не закончена. Как указывал Франц де Вааль в статье «Конец Природы против Природы»: «наиболее вероятно, что в следующем тысячелетии эволюционные подходы к поведению человека будут становиться все более и более утонченными, принимающими во внимание явную гибкость культуры. Следовательно, традиционный подход: «или инстинкт, или обучение» будет замещен на более интегрированный подход. Вместе эти две различающиеся точки зрения ослабят популярную сегодня дихотомию вплоть до ее устранения. Мы добьемся более глубокого понимания поведения человека, если не будем рассматривать культуру как антитезис природы и потихоньку перенесем старые дебаты природа/воспитание в могилу»⁴.

«В могилу — это, конечно, метафора. Но имеются уже и более конструктивные предложения, в том числе и предложение рассматривать как эту, так и все другие многочисленные бинарные оппозиции, сформулированные в процессе многовековых философских дискуссий по вопросу о природе человека, не как единственно возможные альтернативные способы решения соответствующих проблем, а как крайние позиции континуума решений, лишь в совокупности способных отобразить всю невероятную сложность соответствующего аспекта бытия человека и механизмов его формирования»⁵.

В области культуры альтернатива бинаризму была найдена в диалогическом подходе, появившемся вместе с возникновением мирового рынка, распадом европоцентризма, открытием полиэтнического (полифонического) мира «других» народов и культур в Европе в XIX веке. В это же самое время Россия лишь укрепляла бинарный подход, по крайней мере, в мировоззрении, от которого она не желает отступать и сегодня.

Начиная с петровских реформ, бинарность традиционного русского сознания нашла себе специфический объект, вскоре ставший центром, осью всех значимых позднейших оппозиций: *старое* и *новое*, противостоящие друг другу как аксиологические оппозиции («хорошее» и «плохое»/ «плохое» и «хорошее»). Этот конфликт определил характер всех споров, вплоть до современных — тех, что идут в терминах «глобализации»/ «локализации», «идентичности»/ «всеобщности», индивидуальности/соборности, религии/атеизма и т.п. Все это — лишь дискурсивная перекодировка исконных культурно-религиозных смыслов, которые описывали и описывают в логике бинарного мышления русскую культуру как форму самоидентификации русской интеллигенции всех поколений.

Инверсия ценностей — результат развития и трансформации общества, явление общепринятое и очевидное. Если бы ценности не сменяли друг друга, не развивались или не переходили в свои противоположности, то развитие культуры было бы невозможно в принципе. Однако, когда речь идет о способах, механизмах смены и сущности ценностей проблема становится не такой очевидной. Именно здесь возможен разговор о нацио-

³ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. — С. 21.

⁴ Цит. по Борзенков В.Г. Эпистемологические препятствия на пути научного познания человека // Человек. — №1.-2012. — С. 18

⁵ Борзенков В.Г. Там же. — С.18

нальной специфике. В русском самосознании, носителями которого традиционно являлась русская интеллигенция, ныне – интеллектуалы и ученые, по-прежнему характерна принципиальная установка на инверсию ценностей “старого/нового”, когда тем или иным элементам картины мира приписывают попеременно то положительную, то отрицательную ценность. Сама же картина, ее структура, “репертуар” базовых элементов почти не меняются. Любые, в том числе и новые, проблемы, противоречия, факты замечаются и осмысливаются лишь в той мере, в какой укладываются в “базовую” оппозицию. Данный механизм интеллигенция унаследовала от предшествующих эпох – традиционное русское православное сознание вообще отличалось крайней остротой бинарных оппозиций и почти полным отсутствием нейтральных, ценностно не отмеченных элементов⁶. Но именно интеллигенция “захватила” эту особенность из позднего средневековья в Новое время, приспособила к особенностям этого времени и распространила на вполне секуляризованное современное сознание.

Оппозиция “старого” и “нового” рождается практически одновременно с появлением специфической российской светской идеологии. Одни и те же образы и понятия обрастают диаметрально противоположными смыслами и кодируют противоположные значения. Запущен семиотический механизм, который будет работать столетия. *Старое* и *новое* меняются местами в оценках, но все мировоззренческие установки на лучшее, на благо, на религиозное совершенство, по сути, остаются неизменными. И обе стороны, при всей их непримиримости, равно не способны усомниться в “актуальности” этой и только этой оппозиции, помыслить возможность описания мира в каких-то других терминах или другим способом.

В зеркале нового мировоззрения все плюсы становятся минусами и все минусы – плюсами, но речь все время идет об одних и тех же понятиях и смыслах. Отсюда и накал, непримиримость борьбы, нетерпимость: ведь “новое” претендует не на новое место, не на новый статус, а на статус, роль и значение старого. При этом оппозиция не мыслится через какие-то переходные состояния, но представляет собой непримиримость до полного уничтожения нового старым и перестройку *как бы* на пустом месте. И всегда кризис воспринимается как “момент истины”, апокалипсис, влекущий за собой *метаною* (перерождение сознания) наиболее передовой части общества.

Эту оппозицию подхватили и нынешние ученые – интеллектуалы. Началась уже не просто инверсия ценностей, но ее рефлексия и личностное переживание. Они и стали первоосновой всего механизма “смены веков”, принципом репрезентации всех культурных и аксиологических перекодировок и переосмыслений. При этом абсолютно очевидно, что религию нельзя автоматически заменить атеизмом, а затем также автоматически вернуться назад «к Богу»⁷, как ничего нельзя *возродить, заменить, вернуть, «воскресить»* (по крайней мере, в этом мире), а между тем, именно так рассуждает большинство нынешних интеллектуалов при обсуждении сложнейших мировоззренческих процессов, происходивших в XX и продолжающихся в XXI веке в России.

С нашей точки зрения, если уж мы придерживаемся маятникового принципа в аксиологии, то надо, либо отчетливо признать, что в советском эксперименте по построению атеистического государства, «очевидная всем» инверсия ценностей не затронула самих оснований религии (идеи Бога, души, веры самого «развратного и самого святого» (Достоевский) – русского народа) и, следовательно, ничего не было разрушено, но всего лишь переименовано и перекодировано; при этом при смене названий и ярлыков, методов атеистической работы с населением, сохранялись прежние смыслы, ориентиры и чувства, и поэтому коммунизм явился лишь разновидностью христианства и так легко победил, о чем убедительно написано у Н.А. Бердяева.⁸ Либо, следует признать, что никаких

⁶ См.: Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б.А. Избр. тр. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. – С. 219–253.

⁷ но очень даже можно разрушить прежнюю церковь и на ее месте создать новую: на месте Храма Христа Спасителя построить Дворец советов, создать новый завет \Краткий курс\, организовать партию по принципу иерархии ордена меченосцев \Сталин\, сносить памятники одним кумирам и воздвигать другим. А потом опять восстанавливать храм, сбрасывать с постамента Дзержинского и ставить на его месте памятный знак мученикам.

⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1987 – 300 с.

метафизических основ, «потрясенных» безбожниками-большевиками, разрушенных советами не было вовсе, ибо к моменту крушения империи, страна давно уже была больна атеизмом, нигилизмом, скептицизмом, и вера оказалась лишь уделом избранного меньшинства (чудаков-богоискателей, осужденных всеми и справа, и слева).

Мало изменилось положение интеллигенции и ее словарь и в конце XX- нач. XXI вв. Наиболее наглядной демонстрацией постоянного «оборотничества» русских идей стала утопия под названием «перестройка». Бинарное сознание уже в который раз оказалось на перепутье двух дорог: искать (до бесконечности) путь к своей уникальности или отказаться и перестроить (синоним: разрушить, начать с нуля, находится в вечном поиске) свою хрупкую самобытность и пойти чужим путем цивилизованного (синоним либерального, информационного, технологического) развития.

Наиболее яркий пример – склонность к инверсиям в области научной методологии изучения религиозного сознания и интерпретации фактов духовной жизни современного российского общества. Религия и атеизм – два извечных полюса маятника, в рамках которого развивается российское научное познание. При этом не важно, чем наполнить эти два мировоззренческих сосуда: материалистической диалектикой, дарвинизмом, формальным литературным методом или, напротив, богословием, православием, Богом или православно-ориентированной наукой. «Старое» – атеистическое мировоззрение во всех областях гуманитарной науки с успехом заменяется на «новое» – православное мировоззрение ученых, предавших забвению свое атеистическое прошлое и уже беззаветно служащих нынешнему превращению «официальной» религии в авторитетный «инструмент научного знания» и понимания «истинной картины религиозного (научного) мировоззрения». Теперь уже опираться на объективный (безоценочный) подход, означает, как минимум оказаться на подозрении у «истинно верующих», ибо о «вере вправе рассуждать лишь верующий», а все остальное – лишь плоды атеистического безбожного мировоззрения, которое многие предпочитают не обнародовать, даже в научном анализе, ибо не безопасно для карьеры и «подозрительно с точки зрения нравственности» (Р. Докинз).

Успех инверсионной смены ценностных ориентаций сегодня можно наблюдать почти во всех областях гуманитарного познания: в литературоведении расцвело *христианское литературоведение*, (например, позиция М.М. Дунаева, Т.А. Касаткиной, А.Г. Гачевой и др.) – «новое вино» бродит внутри такой старой научной структуры, как ИМЛИ РАН; в стенах МГУ возникла и новая *христианская социология* (основатель направления В.А. Добренев); религиозные инверсии наблюдаются в методологии исторического, философского, педагогического или религиоведческого познания⁹. Возникает ощущение, что наши гуманитарии даже не пытаются мыслить разнообразно и работают в рамках пресловутого бинаризма, либо все, сводя к православному веру, либо к атеизму, либо к Богу, либо к черту, «либо к Достоевскому, либо к Толстому». К сожалению, для многих современных исследователей институциональное православие отныне выступает каким-то неисторическим Столпом истины, подобием платоновского Блага – вечного и неизменного, до которого обязано дотянуться любое верующее сознание, в том числе и обыденное, и научное, несмотря ни на какие факты реальной духовной жизни общества, отдельных личностей, оксюморон понятия «верующая наука».

Один из важных аргументов – опора на факты, которые, как известно, вещь упрямая, а документы – «красноречиво говорят». Но о чем? «Ценностно-ориентированные ученые» требуют ценностно-ориентированных контекстов, говорят о невозможности что-то понять или наоборот «не понять» в стране тоталитаризма, идеологических зажимов и т.п., а по сути, превращают научные архивы в кормушку для получения собственных предпочтений, тащат факт в ту сторону, которая удобна или выгодна им – научным страдальцам за веру/объективную истину. Попросту говоря, занимаются манипуляциями, ибо удачно подобранные факты и цитаты могут убедить читателя в чем угодно, даже в том, что все выводы он делает сам, самостоятельно понимает и анализирует то, что ему выдают за факт. «... Внешние технологии воздействуют на то, что мы видим, а внутрен-

⁹ Хочется обратить внимание на характерный сайт Ateism Watch, созданный православными философами.

ние – на то, что думаем».¹⁰ Для того, чтобы эти слова не звучали иронично, хотим напомнить, сегодня почти забытую концепцию советского социолога В.З. Когана¹¹, который ввел более тридцати лет назад понятие «инфологема», означающую ложную, искаженную или неполную информацию, представляющую *реальные события* артефактами, идеологическими мифами, политическими пропагандистскими измышлениями. Непоколебимость многих мифологических представлений о каком-либо явлении или процессе связана с тем, что миф чаще всего отождествляет явление с моральным идеалом и поэтому никакой критике он не поддается, ибо становится выше всяких оценок и логик, противящихся инфологемам. Потому, ко многим современным текстам, даже чрезвычайно убедительным с фактологической точки зрения, но изначально написанным под влиянием инфологем и с целью, либо создания мифов, либо их поддержания, трудно не отнестись критически или даже иронически. Речь идет о распространении мифа о «живой вере», «служении Богу», «самоотречении» некоторых наших русских служителей культа в условиях советского тоталитаризма и атеизма, их непримиримой борьбе и противостоянию системе или режиму, их нравственности в условиях тотальной безнравственности. Безусловно, такие люди были, и их имена окружены ореолом святости именно потому, что их жизнь была служением и подвигом, о котором мы судим по тем же фактам, а не по их «статусу или сану»,¹² и последующим оценкам. При этом оценивая любого человека, даже того, кто удостоен был канонизации, нельзя представлять в однолинейных категориях служения, подвига, самопожертвования, то есть априорной святости, забывать о его словах, идеях, поступках, приспособительстве и отступничестве, подвиге и предательстве, позволяющих увидеть более объективную картину и сделать факт лишь элементом всего экзистенциального континуума человека. При этом объективность – весьма условная категория, не «остраиваясь» от ситуации, не находясь в критическом диалоге с «объектом анализа», легко стать апологетом или гонителем, отлучать и грозить анафемой или напротив, восхвалять и приписывать подвиги святости, человека слабому и грешному, каковыми мы все являемся. Деконструкция бинарного подхода, рассматривая многообразные жизненные ситуации, факты истории или биографии, мировоззрение людей в континууме исторического и экзистенциального бытия, позволит избежать не только грубых инверсионных фальсификаций ангажированной науки, но и тонких изощрений современных манипулятивных практик.

С какими бы фактами мы не сталкивались – все дело в точке зрения, мировоззренческой позиции, судить о которой нельзя потому, что человек «думает о себе во времени», но лишь потому, как «думает о нем Бог в вечности» (перифразируя Вл. Соловьева). По-другому говоря, наш мир, наша жизнь «не проходят бесследно» и любой факт биографии, или содержание личного опыта, собранные и обобщенные исследователем, обязательно станут объектом рефлексии и оценки со стороны другого мировоззрения и другой эпохи, другого опыта и культуры. Но может быть потому, что у каждого из нас есть своя «память тела», свой груз поступков и ответственности, мы способны уловить фальшь инверсионных подходов и оценок по отношению к вере и ее метаморфозам в истории.

Следует помнить, что в отличие от конфессиональных установок, существующих в институализированной форме устоявшихся богословских догматов и церковной практики, мало изменяющихся во времени в силу имманентного консерватизма религии, «бытовая», или повседневная религиозность, весьма динамична и человекоизмерима. В последние десятилетия мировое гуманитарное знание от массовости и статистики цифр перешло к исследованиям «живой» религиозности отдельной личности, субкультур, изучению индивидуального духовного опыта. Преимущества такого подхода давно известны науке и успешно используются в социологических, биографических, исторических работах; тем более их положительный результат явен тогда, когда речь идет о близком и родном – своей собственной культуре и мировоззрении. «Пишущей о своей культуре облада-

¹⁰ Пелевин В.О. Шлем ужаса: миф о Тесее и Минотавре. – М, Эксмо, 2010. – С.83.

¹¹ Коган В.З. Качество информации и мир инфологем // Проблемы инфовзаимодействия. – Новосибирск. 1993

¹² Оценка «по статусу и сану» – православная черта, уж очень уроденная партийному мышлению большинства идеологов.

ет тем, что не может быть дано наблюдателю со стороны: памятью тела – тела, наполненного немотой воспоминаний, тела маркированного, нагруженного уже свершившейся историей. Именно благодаря памяти тела рождается ощущение подлинности воскрешенного прошлого, и мы испытываем радость, обретая действительность», – указывала современная исследовательница Н. Н. Козлова¹³.

II

Столь длинное вводное теоретическое рассуждение предваряет демонстрацию нескольких, найденных автором статьи в РГАСПИ¹⁴ уже не секретных исторических документов, позволивших представить небольшой «религиозный» фрагмент нашей советской истории нагляднее. Документы связаны с именами патриарха Сергия Старгородского и Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (в монашестве Луки), относятся к самому плодотворному периоду взаимоотношений церкви и государства – Великой Отечественной Войне. Эти два человека, с моей точки зрения, олицетворяют две грани веры, два типа личности и два вида служения в одной отдельно взятой атеистической стране. При всей разности этих личностей, вряд ли кто-то с легкостью сможет данные документы вместить в прокрустово ложе бинарности.

Несколько высказываний по теме: *Сергий Старгородский (1876-1944)* – патриарх Московский и всея Руси. «Жил в Москве Местоблюститель давно уже пустовавшего патриаршего престола митрополит Сергий, старый человек, имевший от царского правительства орден св. Александра Невского. Преуспевающий чиновник дореволюционного Св. Синода, он в новое время прославился своими верноподданническими выступлениями, лживыми интервью, которые давал иностранным корреспондентам о положении в русской церкви. Принадлежали митрополиту Сергию, в частности, достопамятные слова: “Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз... сознается нами как удар, направленный на нас”»¹⁵.

«Симптоматично как раз то, что и митрополит Сергий в первом послании, и И. Сталин в речах от 3 июля и 7 ноября 1941 года, преодолев идеологический барьер, обратились к истинным истокам русского православно-исторического патриотизма, что и привело в конечном итоге к общей победе»¹⁶.

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий (Лука) (1877-1961). «Лука (Войно-Ясенецкий Валентин Феликсович) 1877г.р. с 1920г. профессор по оперативной хирургии, с 1916 – доктор медицинских наук. Имеет звание лауреата первой Сталинской премии за научный труд «Очерки гнойной хирургии». В духовном сане с 1921, а монашество и архиерейство принял в 1923году. Архиепископ Лука имеет трех сыновей, из них: один – профессор института им. академика Павлова, второй – Львовского медицинского института, третий – научный сотрудник Института академика Филатова. Архиепископ Лука известен Совету, как реакционер и большой фанатик, стремящийся к разжиганию религиозности. Карпов»¹⁷.

«...не погиб в лагере, но прошел через все круги ада; он не был оппозиционером, однако почти на всей его биографии лежала печать изгойства. Врач, писавший научные труды в тюремной камере, он не только дождался их публикации, но и получил за них

¹³ Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М.: Европа, 2005. – С. 18.

¹⁴ Российский государственный архив социально-политической истории образован по постановлению Правительства Российской Федерации в марте 1999 г. путем объединения Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) и Центра хранения документов молодежных организаций (ЦХДМО). Оба объединившихся архива в свою очередь были созданы в 1991 и 1992 гг. на базе прекративших свою деятельность Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА) и Центрального архива ВЛКСМ (ЦА ВЛКСМ).

¹⁵ Поповский, указ. соч. – С. 353.

¹⁶ Шимон И.Я. Сталин сказал «Да»: Новая политика Советского государства в отношении церкви в период ВОВ// http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ist_sheemon_stal_yes/~ist_sheemon_stal_yes.htm

¹⁷ ЦК ВКП/б тов. Маленкову 19 февраля 1949г./РГАСПИ, Ф. 17 опись 132, ед.хр.109, 36л.

при Сталине Сталинскую премию¹⁸. При этом он одновременно был и хирургом, и священнослужителем Русской Православной Церкви, архиепископом...»¹⁹

Хочу познакомить читателей с несколькими документами, относящимися примерно к одному и тому же периоду времени. Первый – «секретный документ», посвященный празднованию юбилея патриарха Сергия, написанный председателем Совета по делам русской православной церкви при СНК Союза ССР Карповым Г.Г. от 27 января 1944г. на имя Молотова В.М.:

«24 января сего года был день рожденья патриарха Московского и всея Руси Сергия, которому исполнилось 77 лет.

В этот юбилейный день Сергием был дан обед на 23 человека, на котором его приветствовали представители московского духовенства и личные знакомые патриарха.

В тот же день, согласно Ваших указаний, Сергию был передан от Совета подарок общей стоимостью в 28 174 рубля.

Подарок состоял из следующих предметов:

а) золотые карманные часы, стоимостью в 14 500 рублей с золотой цепочкой стоимостью в 8 598 рублей;

б) 28 метров плюша зеленого на две рясы, 15 метров черного шелкового репса на ряску и материал на шесть пар нательного белья;

в) коньяк, шампанское, зернистая икра, фрукты.

Кроме того, дан заказ на изготовление 25 метров шелкового бархата зеленого цвета для патриаршей мантии.

Вечером того же дня я лично посетил патриарха Сергия, поздравил его с днем рожденья и вручил указанные выше золотые часы.

Сергий был весьма обрадован вниманием, выразил искреннее удовлетворение и просил меня передать Правительству его сердечную благодарность.

В последующей беседе Сергий, между прочим, высказал пожелание, чтобы на крышке часов была сделана надпись о подарке от Совета.

Мне известно, что последующие дни Сергий все еще находится под впечатлением полученного подарка и среди окружающих его лиц делает восторженные высказывания.

В соответствии с Вашими указаниями Совет по делам РПЦ при Совнаркоме Союза ССР намечает к церковному празднику – пасхе, который состоится 16 апреля сего года, сделать подарки митрополитам Алексею и Николаю – на 10 тысяч рублей каждому и восьми епископам, показавшим себя наиболее активными в патриотической деятельности – по 5 тысяч рублей каждому.

В это число предполагается включить: архиепископа Рязанского Алексея, архиепископа Куйбышевского Алексея, архиепископа Смоленского Василия, архиепископа Казанского Андрея, архиепископа Ярославского Иоанна, архиепископа Курского Питирима, архиепископа Ростовского Елевферия и управляющего делами Патриархии протоирея Н. Ф. Колчицкого.

Председатель Совета по делам Русской Православной Церкви Карпов Г.Г.»²⁰.

¹⁸ В 1944 году Войно-Ясенецкий получил Сталинскую премию в размере 200000 рублей – 130000 были перечислены на «помощь сиротам, жертвам фашистских извергов»//Поповский, указ. соч. – С. 386.

¹⁹ прт. Александр Мень. Предисловие// Поповский М. А. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – Hermitage Publishers, 1999. –С.3.

²⁰ РГАСПИ, Архив Молотова Вячеслава Михайловича, Ф. № 82, опись №2, Дело №498, л.21 (21 об). Забота о иерархах РПЦ началась сразу после знаменитой встречи в Кремле 4 сентября 1943г. «После этого т. Сталин, обращаясь к митрополитам Сергию, Алексею и Николаю, сказал им: "Вот мне доложил т. Карпов, что вы очень плохо живете: тесная квартирка, покупаете продукты на рынке, нет у вас никакого транспорта. Поэтому Правительство хотело бы знать, какие у вас есть нужды и что вы хотели бы получить от Правительства". В ответ на вопрос т. Сталина митрополит Сергей сказал, что в качестве помещений для патриархии и для патриарха он просил бы принять внесенные митрополитом Алексием предложения о предоставлении в распоряжение патриархии бывшего игуменского корпуса в Новодевичьем монастыре, а что касается обеспечения продуктами, то эти продукты они покупают на рынке, но в части транспорта просил бы помочь, если можно, выделением машины... Правительство вам может предоставить завтра же вполне благоустроенное и подготовленное помещение, предоставив вам 3-этажный особняк в Чистом переулке, который занимался ранее бывшим немецким послом Шуленбург-

Второе письмо – копия письма арх. Луки патриарху Алексию I.

«Товарищу Маленкову Г.М.»

Направляю вам письмо архиепископа Тамбовского главе Московской епархии, представляющее весьма большой политический интерес. Автор письма архиепископ Тамбовский Лука /Войно-Ясенецкий/ доктор медицинских наук, работает главным хирургом в одном из эвакуационных госпиталей гор. Тамбова и хорошо известен Наркомздраву РСФСР.

В своем письме Войно-Ясенецкий выдвигает широкую программу активизации деятельности духовенства и непримиримой борьбы церковников против материализма. Письмо Войно-Ясенецкого показывает насколько далеко идут планы некоторых видных деятелей из духовенства. *Г. Александров, 2.08.1944.*

Копия 29.06.44. отв.1 УП.44.

Высокопреосвященнейший и дорогой Владыко²¹.

Не терпит душа и не могу молчать, видя, что творится в Церкви Божьей. О, какая страшная разруха, какой страшный голод духовный, какое множество некрещеных и лишнего христианского погребения, какая беспросветная религиозная тьма. Поскорее, поскорее надо нам, архипастырям, не покладая рук трудиться над восстановлением, лежащей в развалинах и пепле Церкви Российской, да покарает нас Господь, если не будем спешить. Страшно, страшно для меня, что мало будет помощников нам, что так оскудели делатели на ниве Христовой, ничему не научились за 27 лет страшной и великой революции, продолжают мечтать о митрах, набивать карманы и мешки деньгами, не радя о славе Божьей. Поскорее, поскорее прекратите, дорогой Владыко, награждение митрами.

Чтобы лечить больных, надо знать состояние всего организма их и с изучения его начинать лечение. Надо и нам понять религиозное состояние различных групп народа нашего, чтобы начать духовное врачевание.

1. Простой народ, крестьянский народ, тот, который прежде вереницами шел за тысячи верст в Киево-Печерскую и Троице-Сергиевскую лавры, в массе своей, несмотря на антирелигиозную пропаганду, остается тем же почти в религиозном отношении, как и до революции, но дичает в голоде духовном. Ему надо помочь экстренными мерами в деле восстановления богослужения, ибо оно важнее всего; поскорее надо приобщать его к великим таинствам христианским, без которых грозит маразм духовный. Медленно, нетерпимо медленно идет открытие церквей в селах, и надо ускорить его двумя мероприятиями:

гом. Но это здание советское, не немецкое, так что вы можете совершенно спокойно в нем жить. При этом особняк мы вам предоставляем со всем имуществом, мебелью, которая имеется в этом особняке, а для того, чтобы лучше иметь представление об этом здании, мы сейчас вам покажем план его"... Вновь затронув вопрос о продовольственном снабжении, т. Сталин сказал митрополитам: "На рынке продукты покупать вам неудобно и дорого, и сейчас продуктов на рынок колхозник выбрасывает мало. Поэтому государство может обеспечить продуктами вас по государственным ценам. Кроме того, мы завтра-послезавтра предоставим в ваше распоряжение 2 – 3 легковые автомашины с горючим"» // Записка Г.Г. Карпова о приеме И.В. Сталиным иерархов Русской православной церкви – Опубликовано: Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. М.: Изд-во РАГС, 1994: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1.Л.1 – 10. Подлинник.

О теплоте и любви не только власти по отношению к патриарху, но и Сергея к Иосифу Сталину говорит его постоянно употребляемое выражение: «богопоставленный Вождь». Приведем, цитату из письма к Иосифу Сталину митр. Алексия I (будущего патриарха) в день смерти патриарха Сергея: «А нам, его (Сергия – мое С.К.) ближайшим помощникам, известно и его чувство самой искренней любви к Вам и преданности Вам, как мудрому богопоставленному Вождю (это его постоянное выражение) народов нашего великого Союза. Это чувство проявлялось в нем с особой силой после личного его знакомства с Вами.... В предстоящей мне деятельности я буду неизменно и неуклонно руководствоваться теми же принципами, которыми отмечена была церковная деятельность почившего патриарха: следование канонам и установлениям церковным, с одной стороны, и неизменная верность Родине и возглавляемому Вами правительству нашему – с другой. Действуя в полном единении с Советом по делам РПЦ, я вместе с учрежденным покойным патриархом свщ. Синодом, буду гарантирован от ошибок и неверных шагов. Прошу Вас, глубоко чтимый и дорогой Иосиф Виссарионович, принять эти мои заверения с такой же доверенностью, с какой они от меня исходят, и верить чувствам глубокой к Вам любви и благодарности, какими одушевлены все отныне мною руководимые церковные работники»// Архив Молотова Ф.82, опись 2, 498, л. 24-25.

²¹ Патриарх Алексий I.

1) всемерно добиваться перед Правительством немедленного открытия тех многочисленных сельских церквей, которые сохранились неповрежденными, в которых есть и утварь церковная, и облачения, и книги, возле которых часто живут без дела священники, потому что заперты двери храма. – До сих пор такие церкви числятся подлежащими открытию только в общем порядке. Их должны открывать вне очереди.

2) Не следует добиваться восстановления и открытия более или менее сильно поврежденных церквей, или церквей, занятых мастерскими, которые трудно освободить. Вместо этого гораздо разумнее, проще и дешевле строить новые, деревянные церкви – обыденки (а не молитвенные дома, о которых часто ходатайствуют). В каждом селе найдется несколько нежилых изб, которые можно разобрать и построить из них избу с небольшим алтарем, одной главой с крестом. Вот и церковь – обыденка.

Надо возобновить перед Правительством ходатайство о разрешении постройки таких церквей во всем Союзе; надо поручить московским архитекторам выработать стандартные планы таких церквей и иконостасов, по возможности простых и дешевых.

В Москве и во всех епархиях надо поскорее организовать мастерские по изготовлению утвари и свечные заводы, иконописные мастерские и переписку важнейших церковных книг, не ожидая пока станет возможным напечатание их.

Нам следует взять пример с мусульман, у которых в каждом кишлаке и ауле непременно есть не одна, а несколько маленьких мечетей.

Предвижу возражение: где же взять столько священников, если построить много церквей-обыденок? Невозможное людям – возможно Богу. Возвещая горе пастырям, которые губят и разгоняют овец паствы Его, Господь говорит: «Соберу остаток стада Моего из всех стран, куда Я изгнал их, и возвращу их во дворы их, и будут плодиться и размножаться. И поставлю над ними пастырей, которые будут пасти их, и они уже не будут бояться и пугаться, и не будут теряться, говорит Господь» (Иер. 23, 104).

А словами пророка Иезекииля (гл.34) Господь говорит еще решительнее: «Вот я сам отыщу овец Моих и осмотрю их. Я буду пасти овец Моих и покоить их, говорит Господь».

Не надо останавливаться перед трудностями, не надо лавировать и изобретать способы человеческие, чтобы обойти их. «Ищите же прежде Царствия Божьего и правды Его, и это все приложится вам. При глубокой вере в Бога все будет возможно нам, верующим, если всегда будем идти путем высшей правды. Авраам ответил сыну своему Исааку: «Бог усмотрит себе агнца для всесожжения, сын мой», ибо в самых отчаянных обстоятельствах не поколебалась вера его. Так и мы скажем сомневающимся: «Бог усмотрит пастырей Себе», найдет их там, где мы не ищем; не из окончивших семинарии и не редко не достойных священства, а в недрах народа Божьего, среди простых и чистых сердцем овец Христова стада; и наша задача будет в том, чтобы дать им минимум богослужебных, богословских и практических знаний, необходимых для священника. Такие священники – простецы будут даже во многих отношениях лучше священников-семинаристов, ибо они близки к народу, плоть от плоти его. Я знал священника из полуграмотных слесарей, проповеди которого казались мне сумбурными и мало понятными, но простой народ очень хорошо понимал его, высоко ценил и любил за истинно христианское горение духа. Мы теперь все же в гораздо лучшем положении, чем архиереи древней Руси, набравшие священнослужителей из неграмотных мужиков. Даже в недавнее от нас время св. Иосафа Белгородского культурный и нравственный уровень священников был так низок, что Святителю приходилось пороть их розгами и плетью.

Не дожидаясь открытия средних богословских школ, надо кликнуть клич в народе и находить достойных священства простецов, поручая образованным протоиереям и священникам вести индивидуальные занятия с ними по подготовке к священству. Ведь средние школы во всех епархиях откроются не скоро.

II. До крайности плачевно религиозное состояние советской молодежи. Она абсолютно невежественна в религиозном отношении, и ей надо было бы проповедовать Евангелие, как пермякам, мордве и черемисам. Это, однако, невозможно по советским законам и проповедь среди молодежи возможна двумя путями: богослужениями, которые, Слава Богу, уже привлекают много молодежи и религиозным воспитанием детей через родителей. Однако и родители в значительном большинстве весьма мало подготовлены к

этому, и им надо помочь внеслужебными беседами, на которых должны излагаться основы догматического и апологетического богословия и священная история ветхого и нового завета. Советское законодательство разрешает ознакомление с религиозным учением молодых людей, достигших 18 летнего возраста, и следовало бы поставить вопрос об открытии воскресных школ для них.

III. Особой заботы требует религиозное просвещение нашей интеллигенции. Широко распространившееся, но и прежде сильное, безбожие среди людей, более или менее причастных к современному научному знанию, нельзя считать явлением серьезным и сколько-нибудь глубоким. Феликс Данте в своей книге «Атеизм», которую можно назвать искренней исповедью атеиста, прямо говорит, что подлинный атеизм, который он сравнивает с дальтонизмом, безусловно, редок и даже может считаться духовной аномалией. О себе самом он говорит, что родился атеистом, и по складу своего ума отличается от огромного большинства людей, для которых естественна вера в Бога.

Широкое распространение безбожия в нашем народе и причастном к науке обществе объясняется двумя причинами. Данте справедливо настаивает на необходимости строго различать подлинный атеизм от антиклерикализма, как явление редкое от настроения очень распространенного. Все революции, по самому их существу, всегда сопровождалось огромным подъемом антиклерикализма. Это вполне понятно, т.к. Церковь считают главным врагом революции и это особенно ярко проявилось в нашей Великой революции. Гнев народа, разбившего цепи самодержавия, бурно обрушился на русскую Церковь, которая в большом числе своих представителей, действительна была опорой и пособницей самодержавия. Но настало уже время, когда более умные стали понимать, что «вместе с ванной выплеснули и младенца»²² и что нельзя отождествлять черносотенное духовенство с Господом Иисусом Христом, а «Русское знамя» и «Колокол» с Евангелием.

Безбожие русской дореволюционной интеллигенции всегда связывалось с нигилизмом и революционностью, и потому не удивительно, что революционный подъем антиклерикализма был встречен с радостью и очень содействовал широкому распространению антиклерикализма, смешиваемого с атеизмом.

Вторая причина распространения безбожия и отказа от религии в наших образованных и полубразованных кругах состоит в том, что скудомыслие и духовное убожество свойственно всякой толпе, все равно, образованной или темной, пожалуй, даже в гораздо большей степени полубразованной толпе, чем простым неученым людям, среди которых немало людей ясного ума и глубоких духовных запросов.

Широкая образованность и глубокое приобщение к науке, большая самостоятельная работа на научном поприще не только не уводит от Бога, а напротив, приводит к нему всех тех ученых, которым свойственны глубокие вопросы духа. Те самые великие открытия астрономии, которые полужнаек, людей толпы так легко побуждают к издевательствам над религией, очень многих глубокомысленных астрономов приводят к трепетному благоговению перед Всемогуществом Творца. Изучение физики и химии, анатомии и физиологии у людей поверхностного мышления служит поводом к укоренению в механистическом и материалистическом воззрении, а у людей более глубокого духа рождает преклонение перед премудростью Создателя.

Но немногие способны прийти к Сократовскому «Я знаю только то, что ничего не знаю». Такие избранные глубоко сознают, что их незнание неизмеримо больше, чем малое научное знание, и никогда мера нашего знания не пройдет меры незнания просто в силу ограниченности нашей способности познания, нашей телесной и духовной ограниченности.

Люди интеллигентной толпы этого не понимают и с чрезвычайной легкостью принимают за непреложную истину «последнее слово науки», столь изменчивое и нередко противоречивое, и без критики, охотно подхватывают легкомысленные антирелигиозные выводы из такого «последнего слова». Поистине удивительна умственная и духовная ограниченность таких «безбожников», часто совершенно не знакомых с религиозными учениями, никогда не читавших Евангелия и тем не менее отвергающих его и издевающихся над ним. Помню пожилую врачиху, всегда старавшуюся импонировать своей куль-

²² Такой не точный оборот использован в письме.

турностью, которая на мой вопрос, что заменяет для нее религию, дала исключительный по глупости ответ: «врачебная этика».

Такие убогие интеллигенты безнадежны для истины. Но люди средние далеко не безнадежны и очень многие из них могут притти ко Христу, если им помочь. А помощь им крайне необходима, ибо легко верят в Бога только люди, обладающие детским простосердечием и чистотой; а для людей, головы которых затуманены наукой, вера – очень трудное дело, ибо она требует устранения множества противоречий и разрешения трудных вопросов.

Чем же может и должна помочь им Церковь?

Материализм очень силен легко овладевает даже сильными умами, если они не склонны к познанию трансцендентального мира. Прямая критика его, научная и философская, встречает в нем трудно победимого противника и до сих пор мало успешна. Но у него есть Ахиллесова пята – его крайняя ограниченность; ибо материалисты заняты только видимым миром.

Чтобы избавить образованных людей от власти материализма, есть только одно средство: открыть перед ними безграничный мир трансцендентного.

За время нашей революции в Европе и Америке возникла новая наука, метапсихология, занимающаяся изучением тех проявлений человеческого духа, которые явно принадлежат к области трансцендентного, но официальной, материалистической наукой игнорируются или даже клеймятся именем суеверий. Крупнейшие ученые всех специальностей разрабатывают эту новую науку, в крупных центрах Европы и Америки создан ряд метапсихологических институтов, издается много журналов и написано много книг по метапсихологии. Две из них я имел возможность прочесть с большим интересом и пришел к заключению, что метапсихология может послужить важным средством освобождения умов нашей интеллигенции от пут материализма; ибо она вводит в мир трансцендентного, пользуясь строго научными методами и тем внушая доверие людям, преклоняющимися перед наукой – метапсихология, как мне кажется, послужит мостом между наукой и религией, и Церковь должна использовать эту новую науку, как средство для начального отрезвления безбожников по недомыслию.

Конечно, Церковь обладает более могучим средством, чем метапсихология, для раскрытия и проповеди истины в священном писании и в житиях святых; но и от вспомогательных средств мы не должны отказываться. За последнюю четверть века, несомненно, появилась в католических и протестантских странах большая, неведомая нам, богословская и религиозно-философская литература, доступа к которой нам следует всемерно добиваться. Организация высшего богословского института может очень помочь нам в этом деле, так как для плодотворной преподавательской и научной деятельности необходимо пополнение институтской библиотеки новейшей иностранной литературой, и вряд ли Правительство откажет в этом.

Иностранная литература будет необходима нам и для осуществления другой задачи, которую я считаю очень важной и неотложной, именно для создания новой апологетики, направленной, прежде всего против материалистического атеизма. Обширная антирелигиозная литература, отравившая своим ядом множество слабых и неустойчивых умов, не должна оставаться без нашей критики и ответа. Коллективным трудом христиан – ученых всех специальностей, объединенным компетентным архипастырским руководством, должна быть изучена и подвергнута критике вся антирелигиозная литература и создана новая, серьезная апологетика. Это большое дело займет не менее трех лет и к тому времени, отсутствующая теперь возможность издания богословских книг может открыться; наше дело не терять времени для осуществления этой важной задачи. Без критического разбора антирелигиозной литературы и без новой апологетики не только сельское духовенство, но и многие городские протоиереи не смогут отвечать на запросы нового времени, предъявляемые к религии.

Кроме обширной и серьезной апологетики, мало доступной сельскому духовенству, необходимо написать краткий критический обзор антирелигиозных нападок для руководства малообразованных священников.

Церковь жива и сильна кровью мучеников, страданиями исповедников, великими подвигами преподобных и ради их умножающейся благодатью Божьей. Жития святых,

конечно, неизмеримо сильнее книг и журналов по метапсихологии, и широкое распространение их в народе очень необходимо для обращения неверующих и колеблющихся.

Двенадцатитомные Четьи Минеи св. Дмитрия Ростовского мало кому доступны, а многочисленные краткие сборники страдают общим недостатком: то, что очень важно, изложено в них также кратко, как и менее важное. Кроме того, богатство легендарных сказаний многих, сколько-нибудь образованных людей отталкивает от чтения житий святых. Поэтому весьма необходимо издать новый сборник житий, в котором не повторялись бы очень многочисленные и однообразные биографии святых, особенно мучеников, а излагались бы только самые яркие и святые подвиги мучеников, и серьезно, подробно изложенные, биографии святых, изъясняющие путь спасения и руководящие к духовному деланию. Число житий в таком сборнике будет гораздо меньшим, чем в наших прежних Четьи Минеях, ставивших своей целью не оставить без упоминания ни одного святого; но, концентрируя, лишь самое ценное, можно избавить читателей от однообразия и скуки, и не устранив их объемом книги.

К большой работе по избранию и обработке важнейших житий надо приступать неотложно.

Как ни важна устная и печатная проповедь и пропаганда христианского вероучения, но все наши старания в этом отношении будут медью звенящей и кимвалом бряцающим, если личным примером глубокой веры и любви ко Христу, исполнением заповедей Его не будем утверждать проповедь нашу. А старые язвы духовенства и церковной жизни не излечены и страшными уроками революции. Общеизвестны важнейшие из них: корыстолюбие, небрежение в священнослужении, тщеславие и честолюбие, недостаток братолюбия. Важнейшим средством воздействия на таких худых священнослужителей всегда была архипастырская любовь к ним, великое тщание к исправлению кротким наставлением и личным примером святой жизни. Но и меры строгости, наказания и прощения необходимы и неизбежны, и плохи те архиереи, которые заботятся больше всех о том, чтобы жить в мире со всем духовенством, не восстанавливать их против себя, и потворствуют им в их прегрешениях. Очень важным и неотложным делом считаю я немедленное прекращение награждения священников митрами, ибо это очень сильное и вредное средство к усилению тщеславия и честолюбия духовенства, препятствующее борьбе с этими тяжелыми пороками.

До крайности трудна борьба с очень тяжелым следствием общей церковной разрухи – всякими расколами и самочинием священнослужителей и монашествующих, не признающих патриаршей и архиерейской власти. И здесь на первое место должны мы поставить кроткое и любовное увещание и вразумление верующих народных масс и разъяснение им церковных канонов и их важности. Это должно быть делом, прежде всего, самих архиереев, неустанно проповедующих в городах и селах своих епархий о единении и взаимной любви, о единстве Церкви, о смирении и послушании.

Но большая твердость и непреклонность в отношении не подчиняющихся и вожakov церковного разделения, запрещение их в священнослужении, лишении сана и даже отлучении от Церкви совершенно необходимо для искоренения расколов и разъединения.

Примите, дорогой Владыко, с любовью и снисхождением это излияние наболевшего сердца моего и утешьте меня Вашими святыми молитвами.

Лука, Архиепископ Тамбовский,

15 июля 1944».²³

В этом письме каждое предложение может стать объектом серьезного анализа. Однако, есть поразительная общность двух диаметральных документов эпохи: между письмом арх. Луки и предложениями, обсуждаемыми на знаменитой встрече правительства с представителями высшего духовенства 4 сентября 1943г. На этой первой встрече с тремя митрополитами РПЦ все инициативы шли от «Богопоставленного вождя». Именно Иосиф Сталин предложил церкви некоторые узловые моменты программы религиозного реформирования страны, которые во многом совпали с программой арх. Луки. Многое было продумано им, а не будущими патриархами (Сергием и Алексием). «Вождь даже укорил митрополитов за узость планов, за отсутствие настоящего размаха. «Вам надо соз-

²³ РГАСПИ, Ф. 17, опись 125. Ед. хран. 235 (январь – декабрь 1944) Л.84-93.

дать свой Ватикан, чтобы там и Академия, и библиотека, и типография помещалась, и все другие учреждения, необходимые такой крупной Патриархии, каковой является Патриархия Московская»²⁴. «Богопоставленный вождь» поднял вопрос о церковных кадрах, предложил организовать духовную академию, открыть церкви, срочно организовать издательскую деятельность, начать обмениваться изданиями с зарубежными церквями; в частности, по его настоянию в кратчайшие сроки был выпущен первый номер «Журнала Московской патриархии». Тогда был решен вопрос и о созыве Собора и избрании будущего патриарха (больше всего волновавший иерархов), и о Совете по делам РПЦ, под руководством Григория Григорьевича Карпова – руководителя того самого отдела НКВД, в котором все годы советской довоенной жизни арестовывали, ссылали и расстреливали церковников. «Встреча оставила у иерархов самые светлые воспоминания».²⁵

Программа, предложенная Сталиным, была грамотной и вполне объективной в реалистичной в организационно-управленческом плане, но в ней нет и не могло быть ничего касающегося сути веры или мировоззренческих перемен. Ни слова не было сказано об изменении идейной направленности общества, строящего атеистическое государство. В ее основании был лишь прагматический расчет и необходимость использования новый «идеологический» ресурс для укрепления морального духа народа, успешного решения политических проблем на международной арене, скорейшей победы в войне. При этом последовательность вождя была весьма наглядна: через 4 дня после достопамятного разговора состоялся Собор русских иерархов, и епископы избрали своего Патриарха. «Тот же собор избрал Священный Синод из шести человек. Членом Синода был избран и Архиепископ Красноярский Лука»²⁶. В сентябре 1943г. вышел первый номер «Журнала Московской патриархии»; 9 ноября 1943 г. было принято постановление об открытии Православного Богословского института в Москве (3-х годичного) и Богословско-пасторских двухгодичных курсов; начал издаваться церковный календарь и т.д. Никто из иерархов ни словом не обмолвился о борьбе с атеизмом или об укреплении веры, идущей изнутри человеческого духа.

Но нельзя не заметить, что эта встреча могла стать возможной, переломной точкой для истинно верующего сознания людей, но так ею и не стала. Всю свою жизнь Правительство занималось манипуляциями, создавая мифы, выдавая их за первичную реальность, в которую верили больше, чем в самих себя. Удивительно, как легко было купить и подкупить «митрами», «икрой» и пр. ценностями тех, кто должен был стать «личным примером глубокой веры и любви ко Христу, исполнением заповедей Его не будем утверждать проповедь нашу» (Лука). Может быть поэтому, идеи, высказанные вождем советского государства верхушке религиозных лидеров, так и не стали внутренним делом

²⁴ Поповский, указ. соч. – С. 374. К этой ссылке, которую сделал автор: «Так, по крайней мере, митрополит Алексей, впоследствии Патриарх, рассказывал близкому своему человеку Анатолию Васильевичу Ведерникову, а Ведерников после смерти Алексия автору этих строк», также следует отнестись осторожно. Из записки Г.Г. Карпова об этом событии становится ясно, что многие предложения шли все же от самих иерархов. Но ясно и другое, что по ключевым вопросам религиозного возрождения они «спасовали» и отказались от предложений, которые несомненно могли бы укрепить не только формальное развитие РПЦ, но и способствовать ее духовному развитию. Приведем несколько цитат, созвучных письму Луке: «Тов. Сталин, согласившись с этим, в то же время спросил, почему они ставят вопрос о богословских курсах, тогда как Правительство может разрешить организацию духовной академии и открытие духовных семинарий во всех епархиях, где это нужно. Митрополит Сергей, а затем еще больше митрополит Алексей сказали, что для открытия духовной академии у них еще очень мало сил и нужна соответствующая подготовка, а в отношении семинарий — принимать в них лиц не моложе 18 лет они считают неподходящим по времени и прошлому опыту, зная, что, пока у человека не сложилось определенное мировоззрение, готовить их в качестве пастырей весьма опасно, т. к. получается большой отсев, и, может быть, в последующем, когда церковь будет иметь соответствующий опыт работы с богословскими курсами, встанет этот вопрос, но и то организационная и программная сторона семинарий и академий должна быть резко видоизменена. Тов. Сталин сказал: "Ну, как хотите, это дело ваше, а если хотите богословские курсы, начинайте с них, но Правительство не будет иметь возражений и против открытия семинарий и академий"»// Записка Г.Г. Карпова о приеме И.В. Сталиным иерархов Русской православной церкви – Опубликовано: Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. М.: Изд-во РАГС, 1994: ГА РФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1.Л.1 – 10. Подлинник.

²⁵ Поповский, указ. соч. – С. 375.

²⁶ Поповский, указ. соч. – С. 376.

РПЦ и спровоцировали критическое и программное (яростно анти-атеистическое) письмо арх. Луки, который, отсидев десять лет в советских лагерях, всю свою жизнь служил людям и как хирург, и как пастырь.

Но отчего таким отчаянием наполнено письмо арх. Луки? Не оттого ли, что он прекрасно понимал разницу между институциональной верой, формальные признаки которой оказались налицо «через 27 лет советской власти» и верой живой и вдохновляющей, которой практически нельзя было найти в церкви, среди жаждущих митр, наград и ласк от властей любой масти. Трудно было найти эту веру в интеллигенции или среди молодежи, но она была живой и имманентной русскому народу и простцам, которые не потеряли ее за годы атеизма, о чем так ярко написано Лукой. В письме он предстает перед нами как глубокий аналитик, не только хорошо знающего духовную ситуацию в стране, но и осуществившего социологическую реконструкцию советского общества и предложившего программу по возрождению веры, которая только внешне совпадала с предложениями вождя. В основании его предложений явно просматривается возвращение к идее подлинной русской веры, живой и сохранившейся в народе, его простом и открытом сердце, способном восстановить существо православия с помощью честного пастырского слова, возвращения к традициям проповеди, исполнения таинств.

Вера в русский народ возвращает нас не только к исследованиям по этнографии и диалектологии начала XX века, учащих о диалогической и синкретической природе русского народного православия, но и к современным исследованиям²⁷, стоящих на этих же позициях. Подобно арх. Луке они понимают, что религиозное сознание или народную духовную культуру следует рассматривать не с точки зрения соответствия или несоответствия «религиозной институционализации» (клерикализма в терминологии Луки), возводимой в некий идейный абсолют-архетип, а как культурный образец диалогического подхода, исторической динамики²⁸ или мировоззренческих установок. Каноническое – официальное и неканоническое – народное – при таком подходе не противостоят или борются друг с другом, а постоянно взаимодействуют, переходят друг в друга, взаимно дополняют, развиваясь уже в новом качестве, и являются действенным примером живой²⁹ веры. Действительно, с одной стороны, на народные верования существенное влияние оказывает церковь, ее базовые установки и догматы. Но с другой стороны, во многих случаях – церковь сама изменяется под влиянием народных традиций и обрядов, довольно пластично соединяя свои обряды и праздники с народными. Как убедительно показано в монографии Филатовой В.Ф., зачастую диалогизм «не удается» и верования народа и официальной церкви оказываются в состоянии синкретического (смешанного) сосуществования, что, однако, также не следует рассматривать с этико-иерархических позиций – более «правильной» или «менее правильной» веры. «Синкретизм предполагает неосознанность, нерелефированность тех или иных составляющих культуры изнутри в ситуации тотального господства одной точки зрения, замкнутости культуры, отсутствия инокультурных текстов. (Имеется в виду отсутствие возможности носителям культуры высказывать свою точку зрения, поскольку даже самые замкнутые культуры так или иначе не лишены притекания текстов извне. Внешние тексты, конечно, могут игнорировать»

²⁷ Хотелось бы привести в качестве наглядного примера анкетные данные, собранные российскими учеными в ходе опросов населения в 60-е годы, после полета человека в космос: «Особое затруднение, касается верующих, когда принудишь их размышлять над вопросом, где находится бог. Некоторое время назад для них было ясно, что бог – создатель всего – сидит на тверди небесной за облаками. Как быть теперь, когда совершаются космические полеты. При ответах на вопрос о месте нахождения бога более выгодно находится третья и четвертая группа: «они отвечают, что космонавты не видели бога, потому что бог есть неосознательный, невидимый дух». Первые же две группы придерживаются взгляда, что бог-троица или бог – конкретное существо, вступают в прямое в непримиримое противоречие с научно-техническим прогрессом. Они, либо объявляют полеты космонавтов атеистическим обманом, не верят в их подлинность, либо пересаживают бога в места, еще космонавтам недоступные, говорят, что космонавты низко летали, поэтому бога не видали, бог на седьмом небе, а космонавты только вокруг земли крутятся; некоторые же прямо заявляют вопрос обиталища бога для них труден, говорят бог в воздухе, а где, право не знают// РГАСПИ фонд. 606 опись 4 ед. хр. 41 л.18.

²⁸ Филатова В.Ф. Магический дискурс. Воронеж, Изд-во ВГУ, 2010 – 380с.

²⁹ Живой – значит присутствующей здесь и сейчас, развивающийся и образцовый. В этом смысле не важно является ли ее носителем народ или отдельный человек.

ся культурой, однако имплицитно они всегда подразумеваются ею). Этимологически неисконные, инокодовые элементы, уже имеющиеся в структуре культуры, в случае синкретизма не воспринимаются носителями культуры как чужеродные. Диалог, напротив, возможен только при условии открытости, толерантности культуры, возможности оценки её в целом и входящих в неё извне элементов носителями традиции»³⁰.

Данная позиция позволяет по-иному представить процесс развития религиозного сознания не только в народной вере, но и вере других слоев современного российского общества, по иному подойти к анализу мировоззрения религиозных личностей нашей истории. Способность к синкретизму или диалогизму отражает исторически обусловленный процесс, демонстрирующий, насколько нашей культуре дозволено было существовать как «открытой или закрытой» в собственной истории.

До окончания Великой Отечественной Войны оставался почти год и почти сорок лет до «победы православия» над атеизмом.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. -Париж, 1987 – 300 с.
2. Борзенков В.Г. Эпистемологические препятствия на пути научного познания человека // Человек. – №1.-2012. – С.5-24.
3. Коган В.З. Качество информации и мир инфологем // Проблемы инфовзаимодействия. Новосибирск. 1993 -320с.
4. Козлова Н.Н. Советские люди. Сцены из истории. – М.: Европа, 2005. – 430 с.
5. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б.А. Избр. тр. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. – С. 219–253.
6. Луман Н. Общество как социальная система. М.: Логос, 2004. – 280 с.
7. Одинцов М.И. Русские патриархи XX века. М.: Изд-во РАГС, 1994. – 400 с.
8. Пелевин В.О. Шлем ужаса: миф о Тесее и Минотавре. М, Эксмо, 2010. – 225 с.
9. Поповский М. Жизнь и житие Войно-Ясенецкого, архиепископа и хирурга. – Hermitage Publishers, 1999 – 600 с.
10. Филатова В.Ф. Магический дискурс. Воронеж, Изд-во ВГУ, 2010 – 380с.
11. Шимон И.Я. Сталин сказал «Да»: Новая политика Советского государства в отношении церкви в период ВОВ// http://lib.uni-dubna.ru/search/files/ist_sheemon_stal_yes/~ist_sheemon_stal_yes.htm

RELIGIOUS FAITH: FACTS AND COMMENTS

S.M. KLIMOVA

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: sklimova@bsu.edu.ru

The main task of this article is critical looking at our intellectual history. We want again to try to understand "Who are we?" and "Where are we going to?", overcoming ordinary ideological (value-based) constructs of post-Soviet humanities. The priority of empirical approach or the "reliance on the facts" remains the most important "criterium" for finding answers and understanding ideas and interpretations of history. The article shows the stability of the stereotype of the research – binary approach and the inversion of consciousness in the analysis of philosophical problems involving very general opposition, such as religious and atheistic world view and gives a critical attempt to rethink. The article discusses a number of archival documents that characterize well-known personalities in the war period of Soviet history, based on a dialectical approach, and syncretism method.

Key words: binary approach, inversion of values, archival documents, Orthodoxy, faith.

³⁰ Филатова В.Ф. Указ. соч., – С. 47.